

Толстой называетъ законами, безраздѣльно господствуюющими надъ личной волей. Его не даромъ критика объявила фаталистомъ; историческая философія «Войны и мира» фаталистична, и, что особенно интересно, гр. Толстой видить, какъ мы упоминали, главныя орудія фатума именно въ тѣхъ лицахъ, которыхъ, по его же словамъ, наименѣе участвуютъ въ событіяхъ: призраки—въ роли исполнителей величайшій судьбы! Можетъ ли быть большее противорѣчіе?

По словамъ самого гр. Толстого, «фатализмъ въ исторіи неизбѣженъ для объясненія неразумныхъ явлений» (IV, 4), а разумности-то онъ и не допускаетъ въ исторіи, ибо, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, «если допустить, что жизнь человѣческая можетъ управляться разумомъ, то уничтожится возможность жизни» (VI, 155). Въ чемъ же заключается фатализмъ гр. Толстого? А вотъ въ чемъ: во-первыхъ, дѣйствія историческихъ лицъ, превращающихся тутъ въ дѣятелей исторіи, объявляются «непроизвольными», т.-е. подчиненными какой-то непреодолимой силѣ; во-вторыхъ, на этихъ лицахъ лежитъ печать предназначенія. «Каждое дѣйствіе ихъ,—говорить гр. Толстой въ одномъ мѣстѣ,—кажущееся имъ произвольнымъ для самихъ себя, въ историческомъ смыслѣ не произвольно, а находится въ всязи со всѣмъ ходомъ исторіи и опредѣлено предвѣтно» (IV, 7). Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о роли Наполеона и Александра I въ событіяхъ начала XIX-го в., онъ находитъ, что «невозможно придумать двухъ другихъ людей, со всѣмъ ихъ прошедшимъ, которое соотвѣтствовало бы до такой степени, до такихъ мельчайшихъ подробностей тому назначению, которое имъ предложено исполнить» (VI, 157). Или, напр., онъ прямо утверждаетъ, что походъ Наполеона на Россію совершился не потому, что Наполеонъ захо-